

Полимасштабная типология сельской местности в условиях постсоветских трансформаций (на примере Тамбовской области)¹

О. Е. Прусихин, О. Д. Крутов, М. И. Воробьев, К. С. Локтионов, А. А. Веприцкий, А. И. Алексеев

Олег Евгеньевич Прусихин, студент магистратуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: olegprus2000@mail.ru

Олег Дмитриевич Крутов, студент магистратуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: bigoleg911@yandex.ru

Максим Игоревич Воробьев, аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: maximvorobiev15@gmail.com.

Кирилл Сергеевич Локтионов, студент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: leeglokt@yandex.ru

Александр Александрович Веприцкий, студент бакалавриата кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: evgeni777.78@mail.ru

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

-
1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант №21-17-00112 «Трансформация различных типов сельской местности России в современных социально-экономических и демографических условиях»).

Авторы выражают благодарность доценту Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, к.г.н. Е. Е. Инякиной и профессору Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, д.г.н. С. В. Панкову за предоставленные материалы; руководителю Центра экономической географии и регионалистики РАНХиГС, к.г.н. С. П. Земцову за помощь в проведении исследования, а также Евгению Жуковскому за помощь в написании статьи.

Аннотация. Сельская местность России неоднородна, причем за последние 30 лет ее неоднородность лишь нарастает. При этом образ сельской местности в сознании представителей власти и общества в целом далек от реальности, что определяет как неверную оценку ее состояния и перспектив, так и серьезные недочеты в программах развития сельской местности. В то же время научное сообщество в большей степени исследует сельскую местность Нечерноземья и этнических республик, а изучение степных русских регионов осуществляется по остаточному принципу. В рамках данной статьи авторы анализируют факторы территориальной дифференциации постсоветских трансформаций сельской местности одной из наиболее однородных областей Черноземной зоны — Тамбовской — на уровне муниципальных районов и сельских советов. Основой типологии районов является набор статистических показателей, отражающих изменение интенсивности освоения территории за последние 30 лет. Основой типологии поселений стали материалы 53 интервью и наблюдения в рамках экспедиции в Мичуринский, Гавриловский и Уваровский районы летом 2022 года.

В результате удалось выяснить, что природный фактор и на региональном, и на локальном уровне продолжает влиять на интенсивность трансформаций, причем действует он как прямо (интенсификация растениеводства за 30 лет выше на юге), так и опосредованно через сложившуюся систему расселения и транспортно-географическое положение. Критически важным является влияние экономика-географического положения (близость к городам), и институциональный фактор (привлечение крупных инвесторов на нераспределенную землю).

Ключевые слова: постсоветские трансформации, сельская местность, Тамбовская область, изменение функций, типология, сельские поселения

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-64-103

Постановка проблемы

Сельская местность России переживает в постсоветское время коренные трансформации, обусловленные демографическими, экономическими и институциональными факторами. Главные тенденции в этой трансформации — поляризация сети населенных пунктов (Зубаревич, 2013), сжатие освоенного пространства сельской местности (Нефедова, 2012). В Тамбовской области сильно выражена поляризация хозяйства и населения: если в советское время разница между пригородной и периферийной сельской местностью была сглажена за счет отсутствия конкуренции на рынке продовольствия, ограничения миграции населения и мощной перераспределительной политикой, то на постсоветском этапе иерархия «центр-периферия» становится куда более ярко выраженной: маргинальные и сложные отрасли сельского хозяйства скапливаются вблизи городов, а на периферии остается лишь экстенсивное растениеводство (в основном зерновые). Но наряду с этим исследователями отмечаются и иные тренды, такие как снижение сельскохозяйственной занятости и связанная с этим смена функций сельских поселений (Алексеев, Сафронов, 2015). Тамбовская область пережила гигантское сокращение числа занятых в сельском хозяйстве, что определило значительное сокращение числа сельских жителей (в боль-

шинстве сельских районов на 30–40% за постсоветский период). Важным вопросом стало изучение факторов трансформации и расселения на современном этапе. К числу таких факторов относят изменения в сельскохозяйственном производстве (Алексеев, Сафонов, 2015; Дьяченко, Лазарева, 2020; Нефедова, 2003), природные условия (Нефедова, 2003; Имангулов, 2021), миграцию населения (Аверкиева, 2021), этнический состав населения (Имангулов, Савоскул, 2021) и положение относительно городов (Чучкалов и др., 2021). Часто рассматриваемым фактором смены функций становится и дачное и рекреационное освоение (Русанов, 2019; Аверкиева, Нефедова, 2016; Нефедова, 2015). Параллельно с трансформацией сети расселения идет трансформация сети услуг (Зубаревич, 2013) и землепользования (Нефедова, Медведев, 2020). Одним из важных результатов таких трансформаций (то есть, с одной стороны, изменения функций сельской местности, а с другой — специализации и функций сельских поселений) становится рассогласование территориальных систем расселения и хозяйства (Алексеев и др., 2019).

В социально-экономической географии устойчиво деление Европейской территории России на Нечерноземную и Черноземную зоны. Хотя вышеперечисленные тенденции характерны для всей сельской местности России, процессы ее трансформации в Черноземье имеют свои особенности. Это обусловлено рядом характеристик района, таких как природно-климатические условия, большая доля сельского населения, более высокая средняя людность сельских населенных пунктов. Кроме того, иным путем здесь трансформировалось и сельское хозяйство — если в Нечерноземье сельскохозяйственные земли зачастую забрасывались, то в Черноземной зоне, наоборот, активно вводились в оборот, на что в значительной мере повлияла активность крупного капитала — агрохолдингов (Худякова, Инякина, 2009).

Цель настоящей работы — анализ направлений и результатов постсоветской трансформации сельской местности Центрального Черноземья на примере Тамбовской области. Выбор данного региона обусловлен его «типичностью» для исследуемого географического района и «сельскостью»: в области нет крупных агломераций (как, например, в Воронежской) или промышленных предприятий (как в Липецкой области), доля сельского населения — самая высокая среди регионов Центрального Черноземья.

Гипотезу исследования можно определить так: в условиях социально-экономической поляризации сельской местности и сжатия системы расселения — население и неэкстенсивные виды экономической деятельности сохраняются вблизи городов и в староосвоенных речных долинах, постепенно деградируя на плакорах.

Одним из подходов к исследованию сельских территорий является составление типологий. Классической в социально-экономической географии считается типология одного из пионеров географического изучения сельского расселения — С. А. Ковалева (Ковалев,

1963). В ее основе лежат функции, исполняемые сельскими поселениями, которые, в свою очередь, привязаны к их положению в территориальной системе управления хозяйством. Коллективом под руководством Т. И. Заславской предложена типология на более высоком уровне — типология сельских регионов СССР (Социально-демографическое развитие..., 1980). В основу этой комплексной типологии положены особенности производственной сферы региона, тенденции его социально-демографического развития, природные условия и т. п. Отдельного упоминания заслуживают также районирования сельской местности, проведенные С. А. Ковалевым (Ковалев, Ковальская, 1980) и В. А. Максимовым (Максимов, 1985). Первое опиралось на природные условия и направления развития сельского хозяйства, а второе — на производственную деятельность населения.

Однако в условиях современной трансформации сельской местности использование классических типологий затруднено (Алексеев, Сафронов, 2017). В современной практике построения сельских типологий можно выделить два направления. Первое связано с построением комплексных типологий, использующих значительное число показателей (Ворошилов, 2016; Колодина, 2019; Панов, 2015). Такие типологии, как правило, значительно ограничены качеством имеющихся статистических данных. Среди подобных исследований стоит отдельно упомянуть работу под руководством А. С. Наумова (Наумов и др., 2021). В ней авторами проведена полимасштабная типология сельской местности: на первом уровне — регионов России, на втором — муниципальных районов на примере Брянской области. Кроме того, авторами определены и методические проблемы типологий сельского расселения, главные из которых — недостаточная обеспеченность статистическими данными и неопределенность муниципального и административного статуса сельских территорий. Второе направление связано с построением более узких, предметных типологий (Егоров, Шурупина, 2018; Балашова и др., 2020; Пономарева, Бубякин, 2013; Чекменева, 2008; Зубаревич, 2013). Чаще всего критерием типологии при таком подходе выступают демографические показатели, людность сельских поселений. Отдельно стоит рассмотреть типологию А. А. Ткаченко, предложенную для Центральной России (Ткаченко и др., 2013), основанную на «заселенности территории», то есть плотности населения и структуре расселения. Нашли применение в типологиях сельской местности и современные методы, такие как анализ сообществ в социальных сетях (Алексеев и др., 2016; Васильева, Удовенко, 2018).

Можно выделить и ряд типологических работ (и близких к ним по районированию), посвященных непосредственно Тамбовской области и Центральному Черноземью. Первая из них опирается на особенности территориальной структуры агропромышленного комплекса региона и не относится непосредственно к сель-

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

ской местности (Инякина, 2009). Вторая типология, разработанная С. В. Панковым, кладет в основу ландшафтные факторы сельского расселения (Панков, 2011). Имеется также опыт комплексной типологии сельской местности Черноземья на примере Воронежской области (Диденко, 2007).

В зарубежной литературе исследования сельской типологии проводятся главным образом для классификации и анализа сельских районов (OECD, 1994; Verzzi et al., 2011) и для обеспечения реализации региональной политики в сельских районах (Scholz, Herrmann, 2010; Van Eupen et al., 2012; Liu et al., 2022). Наибольшее разнообразие в типологических исследованиях наблюдается в используемых показателях и переменных.

Методологии определения типологии сельских районов можно в широком смысле разделить на дедуктивный и индуктивный подходы (Ballas и др., 2003). При ограниченном количестве информации о территориальных единицах применяют дедуктивный подход, согласно которому сельские единицы делятся на группы в соответствии с предварительно выбранными переменными. Индуктивный подход позволяет получить математически объективные кластеры на основании факторного и кластерного анализов. Преимущества индуктивного метода заключаются в его объективности, сопоставимости с другими территориальными единицами и способности быстро получать общий результат при работе с большим набором данных (Beyazli et al., 2017).

В конце XX — начале XXI века интерес к статистическому анализу сельской местности возрастает благодаря двум основным факторам: во-первых, технический прогресс способствует росту доступности количественных статистических данных по сельским единицам, а во-вторых, границы между городом и селом все сильнее размываются (в том числе из-за глобализации и социально-экономических преобразований), тем самым открывая новые перспективы для анализа.

Эти факторы способствовали росту применения статистического анализа сельской местности (Blunden et al., 1998; Ballas et al., 2003; Benge et al., 2006), активно составляются региональные типологии сельской местности, особенно востребованные в странах Европы: Сербии (Bogdanov et al., 2008; Martinović et al., 2015), Хорватии (Lukić, 2012), Дании (Madsen et al., 2010; Fertner, 2012), Швеции (Hedlund, 2016), Польши (Bański et al., 2016; Stanny et al., 2021), Чехии (Perlin et al., 2010), встречаются отдельные исследования и по Китаю (Li et al., 2015; Liu et al., 2022).

Для сравнения данных между странами на разных иерархических уровнях используются количественные данные ОЭСР и Евростата, основанные на численности населения (OECD, 1994). Однако со временем в методику исследования включили показатели доступности территории (Brezzi et al., 2011). Несмотря на консенсус в отношении необходимости многомерного анализа и использо-

вания качественных данных в районах с более высокой неоднородностью сельской местности (Ballas et al., 2003), нет универсального решения, какие показатели следует использовать. Как правило, для анализа иерархии поселений — это показатели численности населения, для сравнения территориальных единиц — демографические, социальные и экономические показатели (Ballas et al., 2003; Madsen et al., 2010). В середине 2000-х годов в исследованиях стали учитывать и экологические показатели (Metzger et al., 2005; Hazeu et al., 2012; Van Eupen et al., 2012). В 2010-е годы в качестве независимой переменной в ход пошел фактор времени (Vargo et al., 2013; Van Leeuwen, 2015; Li et al., 2015).

Процессы трансформации сельской местности находят свое отражение и в работах по типологии. Этот процесс рассматривается в типологиях А. А. Ткаченко, Н. В. Зубаревич, коллектива А. С. Наумова, А. И. Алексеева. Однако в большей части работ трансформационный сюжет оказывается побочным: он выполняет функции установки, обуславливающей актуальность создания новой типологии. В настоящей же работе трансформации сельской местности, их направления и результаты рассматриваются в качестве основы для типологизации районов и поселений.

Материалы и методы

В основе статьи лежат две основных информационных базы. Первая — количественная — представляет собой данные государственной и муниципальной статистики, размещенные в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата² в разрезе муниципальных районов и городских округов Тамбовской области, в статистических сборниках (Сельское хозяйство Тамбовской..., 2006), а также данные, собранные при анализе публикаций. Вторая представляет собой массив качественных данных, собранных авторами в ходе экспедиции в Тамбовскую область в июле-августе 2022 года (Мичуринский, Гавриловский, Уваровский, Моршанский и Тамбовский районы, из них подробные обследования с посещением отдельных сельсоветов были проведены в Гавриловском, Уваровском и Мичуринском районах). В данных районах проводился ряд глубинных интервью с представителями органов власти и управления, местными жителями, предпринимателями и фермерами, сотрудниками организаций социальной сферы, местными активистами. Отбор интервьюируемых шел методом «снежного кома», то есть новые интервьюируемые отбирались по рекомендациям пре-

2. Тамбовская область / База данных показателей муниципальных образований / Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (дата обращения: 01.11.2022).

дыдущих. Всего было записано 53 интервью средней продолжительностью 1–1,2 часа.

При проведении исследования авторами использовался принцип полимасштабности: сельская местность рассматривалась как на уровне районов, так и сельских советов. На районном уровне использовалась количественная база данных, на основе которых путем кластерного анализа с последующей экспертной доработкой составлялась типология районов Тамбовской области. При проведении типологии на этом уровне пришлось столкнуться с методической проблемой выделения сельской местности, ранее описанной А. С. Наумовым. В Тамбовской области в ходе муниципальной реформы стало 7 городских округов и 23 муниципальных района³. При этом большая часть городских округов слабо сохраняет связи с окружающими их пригородными сельскими районами, выполняют роли их административных центров, а главное — такое разделение сильно снижает численность населения района (так как большая часть населения районов концентрируется в их центрах), что приводит к искажениям в кластерном анализе. Поэтому авторами принято решение рассматривать пригородные муниципальные районы в совокупности с их городскими округами — центрами. Исключение сделано для г. Тамбова и г. Мичуринска — за счет высокой численности населения они сильно отличаются от своих пригородных районов.

На уровне поселений для составления типологии использовался массив качественных данных, собранных в ходе экспедиции и при анализе доступных публикаций. Данная типология создавалась на примере сельских поселений трех подробно исследованных районов. Все поселения этих районов являются сельскими, что позволило избежать методических трудностей, аналогичных описанным выше.

Результаты и их обсуждение

Типология районов

Для составления типологии нами был использован метод кластерного анализа, позволяющий наиболее объективно разделить исходную совокупность наблюдений на группы. Отбор показателей для кластерного анализа проводился экспертным путем, на основе следующих критериев:

- наличие длительных сопоставимых рядов данных (за начало исследуемого периода берутся 1989–1990 годы, что логич-

3. Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации / Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3CgWEznO/1-adm-2021.xlsx> (дата обращения: 24.12.2022).

но, учитывая необходимость рассмотрения всего постсоветского периода);

- репрезентативность показателя, т. е. возможность отражать значимые тенденции социально-экономического развития сельской местности;
- качество статистических данных.

На основе данных критериев были отобраны следующие показатели:

Таблица 1. Показатели, использованные для проведения кластерного анализа

Показатель, ед. изм.	Описание	Источник	
		1989/1990	2019
Численность постоянного населения, чел.	Базовый показатель, отражающий социальные и демографические процессы, происходящие в районе	Демоскоп Weekly ⁴	БДПМО
Посевная площадь, тыс. га	Один из ключевых показателей развития сельского хозяйства — экономической основы жизни сельских территорий	Инякина, 2008	БДПМО
Поголовье скота, усл. голов	Отражает интенсивность ведения сельского хозяйства	Сельское хозяйство..., 2006	БДПМО

Важные достоинства отобранных показателей — неизменная методика подсчета и натуральные единицы измерения, что позволяет сопоставлять данные за разные периоды. Чтобы отследить изменения, произошедшие за постсоветский период, при кластеризации использовались соотношения их значений за 1990 и 2019 годы.

Кластеризация производилась методом межгрупповой связи, расстояние между наблюдениями определялось через квадрат Евклидова расстояния. Такое сочетание методов позволило получить объяснимые кластеры, ставшие основой для выделения типов районов. Недостаточное качество исходной статистической информации не позволяет полностью положиться на них при составлении типологии, поэтому итоговые типы были получены корректировкой выделенных кластеров экспертным путем с учетом данных полевых наблюдений и экспертных интервью.

Для начала рассмотрим, как распределены отобранные показатели по районам области.

4. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц / Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

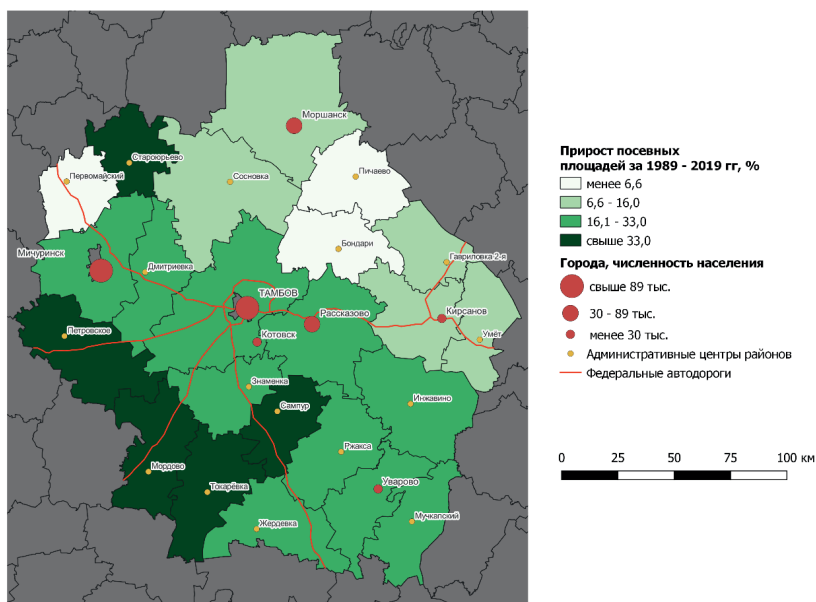


Рисунок 1. Прирост посевных площадей по районам Тамбовской области за 1989–2019 годы. Составлено авторами по данным Росстата и Инякиной.

Посевная площадь (рис. 1) в районах Тамбовской области увеличилась во всех районах, однако по уровню прироста можно выделить несколько различающихся между собой зон. Наибольший прирост отмечен на юго-западе и юге области, а наименьший — в ее северной и северо-восточной части. Это вызвано различной специализацией: юго-восток — зона свеклосеяния и выращивания подсолнечника, в то время как север — зона менее рентабельного зернового хозяйства. Это повлияло на то, что именно южные районы области вызвали больший интерес у крупных агроинвесторов, что вместе с благоприятной конъюнктурой на рынках сахара и подсолнечника привело к большему расширению посевов в этой части региона.

Ситуация с поголовьем скота в области иная (рис. 2) — почти во всех районах региона животноводство деградировало, часто значительно (на 80–90%). Исключение составляет лишь небольшая группа районов (в т.ч. Знаменский, Гавриловский, Сампурский и другие), в которых были созданы крупные животноводческие комплексы. Это приводит к сильной поляризации районов по этому показателю (рис. 3): если в большинстве районов поголовье скота почти исчезло, то в избранных районах-лидерах оно двукратно, а иногда и троекратно превысило позднесоветский уровень.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

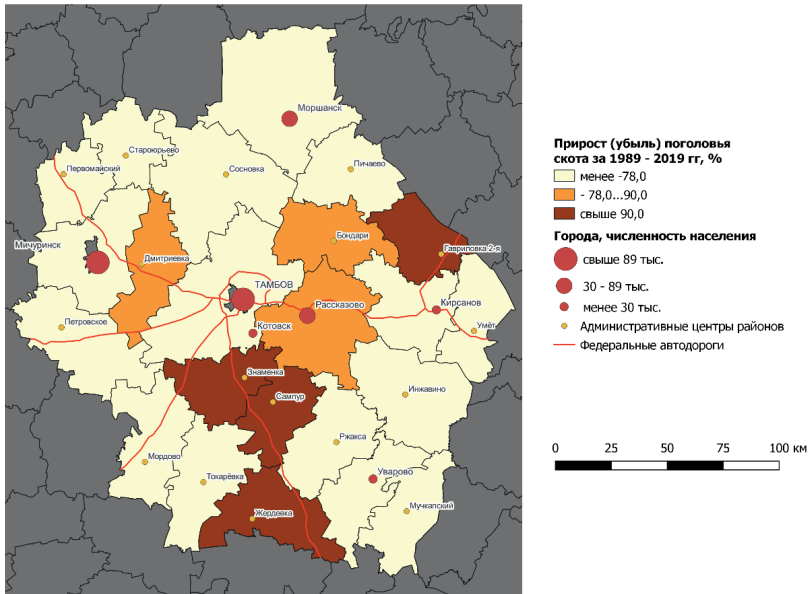


Рисунок 2. Прирост (убыль) поголовья сельскохозяйственных животных по районам Тамбовской области за 1989–2019 годы. Составлено авторами по данным Росстата (ссылка на сборник Тамбовстата).

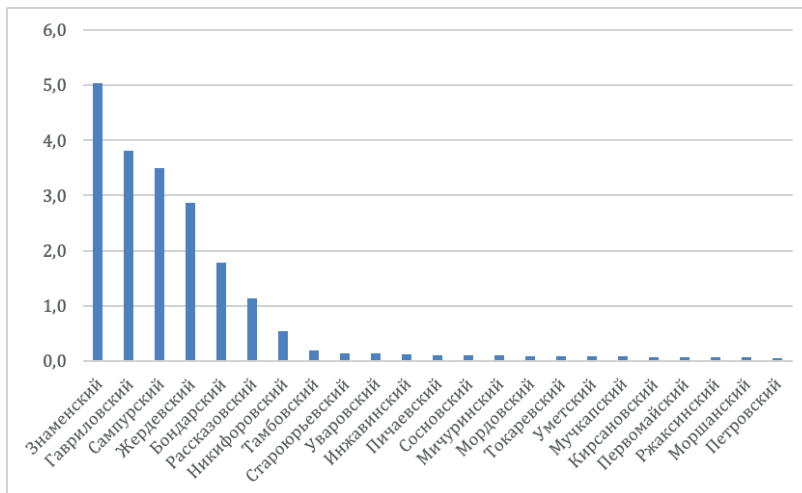


Рисунок 3. Отношение поголовья скота в районах Тамбовской области в 2019 году к поголовью в 1989 году (раз). Составлено авторами по данным Росстата.

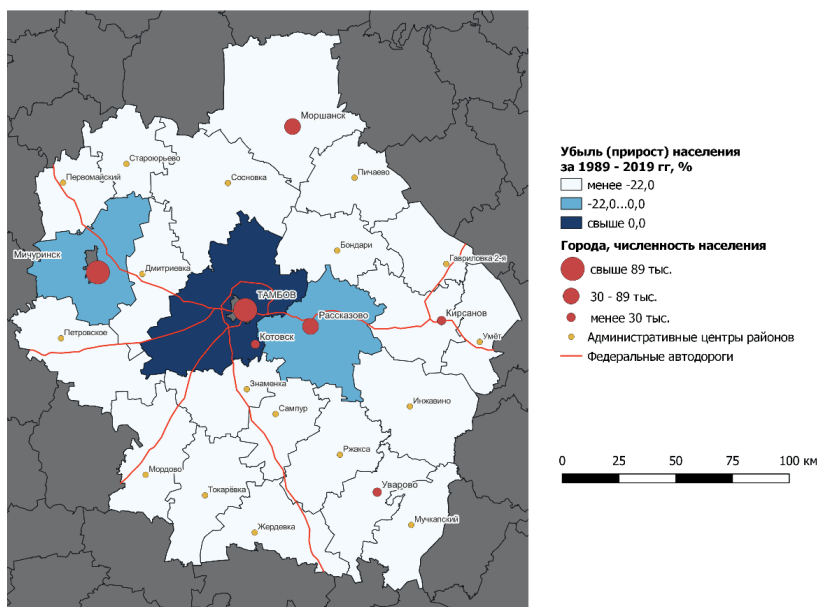


Рисунок 4. Убыль (прирост) численности населения по районам Тамбовской области в 1989–2019 годах. Составлено авторами по данным Росстата и Демоскоп Weekly.

Главная социальная тенденция для Тамбовской области — депопуляция. По данным Росстата, численность населения региона сократилась за постсоветский период более чем на 300 тыс. человек. Эта же тенденция отмечена и на муниципальном уровне (рис. 4): подавляющее число районов теряет население, демонстрируя незначительный прирост только в пригородном Тамбовском районе. Это говорит об идущем в регионе процессе сжатия пространства и стягивания населения к крупным городам, районы вокруг которых теряют население медленнее.

Выделенные типы

На основе вышеописанной методики авторами была составлена типология районов Тамбовской области по направлению их постсоветской трансформации (рис. 5 и 6).

1. *Деградирующий условно-животноводческий.* Характерной чертой данного типа является крайне сильная депопуляция (потеря до 50% населения за 30 лет), наименьший среди всех районов прирост посевных площадей при не самом сильном снижении количества поголовья скота. В эту категорию попадают преимущественно периферийные районы, расположенные на удалении как от центра, так и от крупных автодорог. Действует здесь и физи-

ко-географический фактор: в этот тип входят в основном северные районы, находящиеся на границе с лесной зоной, почвы здесь более бедные, в то время как западные районы отличаются неровным, холмистым рельефом (так называемые «тамбовские Альпы»), что усложняет ведение растениеводства. Районы этого типа специализируются на менее маргинальном зерновом хозяйстве. Результатом действия этих факторов стал меньший интерес крупных агрохолдингов к этой части области, деградация сельского хозяйства.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

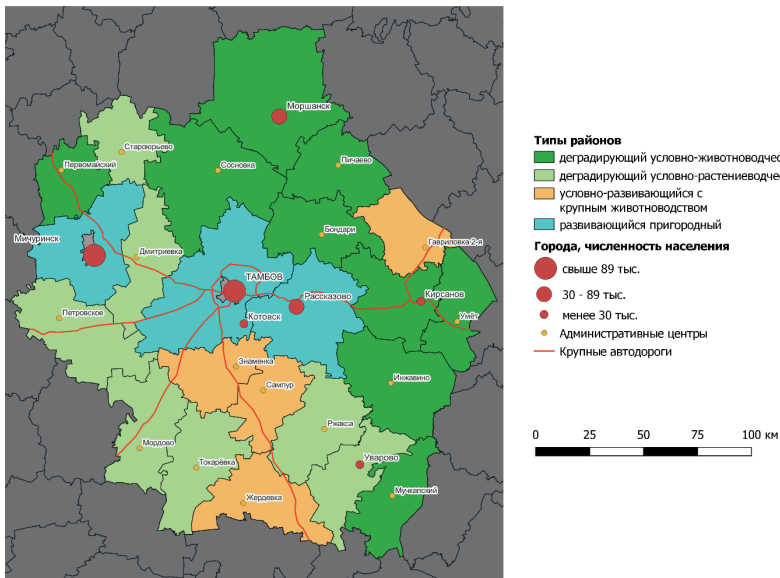


Рисунок 5. Типы районов Тамбовской области по направлению постсоветской трансформации. Составлено авторами.

2. Деградирующий условно-растениеводческий. Данный тип схож с вышеописанным. Для него также характерен сильный спад численности населения, но в то же время он отличается более высоким приростом посевных площадей при более интенсивном падении поголовья скота. Эти районы расположены преимущественно в южной, юго-западной части области, где природно-климатические условия располагают к выращиванию сахарной свеклы (еще в советское время в этой части Тамбовского региона был построен ряд сахарных заводов, таких как Уваровский, Знаменский и Жердевский), а также подсолнечника. Эти отрасли растениеводства более рентабельны, что привело, во-первых, к входу на территорию крупных агрохолдингов, а во-вторых, к ускоренной деградации менее прибыльного скотоводства. Тем не менее появление крупных хозяйств не привело к восстановлению прежнего уровня занятости в сельском хозяйстве, что, в свою очередь, привело к сильной депопуляции.

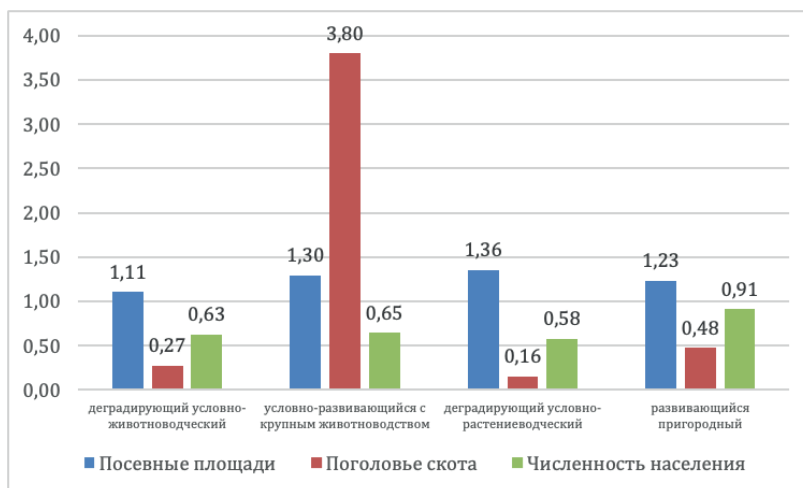


Рисунок 6. Средние значения отношения показателей за 2019 год к 1989 году по выделенным типам районов. Составлено авторами по данным Росстата и Инякиной, 2008.

3. *Условно-развивающийся с крупным животноводством.* Сразу стоит отметить, что «развивающимися» данные районы можно назвать весьма условно: численность населения и здесь сократилась на 35–40%. Ключевой особенностью этой группы стал бурный рост животноводства, которое не только восстановилось после шоков 1990-х годов, но и превысило позднесоветский уровень более чем в три раза. Это связано со строительством на данной территории ряда крупных животноводческих комплексов, инициированным рядом крупных сельскохозяйственных холдингов (например, «Русагро» и «Черкизово»), что определено целым рядом факторов. Во-первых, в некоторых из этих районов (например, Жердевском и Знаменском) еще в советское время были построены крупные сахарные заводы, которые привлекли на эту территорию крупный бизнес, затем ставший инвестировать в животноводство. Кроме того, эти районы «нанизаны» на крупные транспортные пути: федеральные автодороги Р-22 «Каспий» и Р-208 «Тамбов — Пенза». Свою роль сыграла и политика местных властей, старающихся разместить новые производства в менее развитых районах с целью выравнивания уровня социально-экономического развития (как это произошло, например, в Гавриловском районе). Однако стоит отметить, что «новое животноводство» в этих районах сильно отличается от советского колхозного: это преимущественно свиноводство (а не молочное скотоводство) в крупных комплексах (а не в небольших свиноводческих фермах). При этом, несмотря на развитие сельского хозяйства, в этих районах произошла сильная депопуляция.

4. *Развивающийся пригородный.* В данный тип попадают районы центральной части области, окружающие крупнейшие города — Тамбов и Мичуринск. Отличительной чертой этих районов являются наименьшие темпы депопуляции (а в Тамбовском районе — даже рост численности населения) при средних темпах роста посевных площадей и снижении поголовья скота. Эти районы сохраняют свою сельскохозяйственную специализацию, однако близость города с большим числом рабочих мест, более развитой сферой услуг позволяет предотвратить депопуляцию, давая жителям этих районов возможность быть маятниковыми мигрантами. Кроме того, на территорию этих районов «расползается» городская застройка и ведется дачное строительство. Эту категорию районов на фоне остальных территорий области можно считать подлинно развивающейся.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Типология сельских поселений

Сельская местность Тамбовской области представляет собой на первый взгляд однородную территорию, с относительно односторонним сельским хозяйством, в меру депрессивным в демографическом плане населением, попеременно возникающими перед глазами полями и лесополосами. Но за долгий период развития данная территория существенно изменилась и, что немаловажно, стала более разнообразной по своему социально-экономическому составу. В дифференциации сельской территории Тамбовской области сегодня выделяются два фактора, определяющие разницу в специализации и интенсивности экономической деятельности сельских поселений.

Первым является межпоселенческий «разлом», заложенный в ходе исторического процесса колонизации данной территории, который обусловил генетическую дихотомию населенных пунктов. Формирование существующей сегодня системы расселения Тамбовской области началось с долин крупных рек, смещение в междуречья состоялось позже и продолжалось вплоть до второй четверти XX века. По итогам колонизации Тамбовской области в сельской местности сложились два типа освоенных комплексов с сельскими поселениями — долинных и плакорных. Положение сельских населенных пунктов в ландшафтной системе определяет и их степень центральности — поселения, с которых начиналось освоение территории современной Тамбовской области, расположены в долинах крупных рек и являются основными центрами данной территории. Напротив, сельские поселения, расположенные на более возвышенных плакорных участках, часто представляют собой периферийные территории. В итоге складывается центр-периферийная система, положение в которой определило характер трансформаций в постсоветский период.

Вторым фактором, определяющим разницу в типах сельских поселений Тамбовской области, является траектория развития в постсоветский период. Сложившееся к распаду СССР социально-экономическое положение сельской местности было слабо хозяйственно дифференцированным в зависимости от нахождения в долинном или плакорном комплексе — схожим было и развитие инфраструктуры, притом недостаточным. В рамках планового хозяйства предприятия сельского хозяйства повсеместно имели в своем составе как профильные для своей территории растениеводческие, так и животноводческие подразделения. В постсоветский период при перестройке экономики сложилось два основных сценария трансформации подобной системы — в первом случае уменьшалась дифференциация хозяйственной структуры, приводившая зачастую к концентрации на экстенсивном зерновом растениеводстве, а во втором сохранялась разнотипность предприятий и происходила интенсификация одного из направлений деятельности (животноводство, овощеводство).

Результатом сочетания двух факторов — ландшафтного и траектории постсоветского развития — стала центр-периферийная система, в которой нахождение в долинном или плакорном комплексе определяло центральность и трансформацию хозяйства в рыночных условиях. В итоге сложились следующие типы сельских поселений (табл. 2):

1. *Развивающиеся поселения долинных комплексов* — поселения, в которых сформировалось пригородное хозяйство вблизи крупных городов (на примере Мичуринска). Активно развивается обработка сельхозсырья (мясопереработка, производство соков), часто привезенного из более периферийных частей области. Кроме того, эти территории вовлечены в рекреационное обслуживание горожан: строятся дачи, сохраняются детские лагеря, растет антропогенная нагрузка на пляжи и лесные массивы.

2. *Стагнирующие поселения долинных комплексов* — вблизи меньших по размеру городов (Уварово) и на удалении от крупных долинных комплексов поселения не развиваются, но в целом чувствуют себя лучше, чем плакорные, находящиеся на том же удалении от города. Здесь сохраняется советская система рекреации (бывшие пионерлагеря), близость к городу обеспечивает более качественный транспорт и услуги, возможность найти работу вне сельского хозяйства.

3. *Деградирующие поселения долинных комплексов* — наиболее периферийные долинные поселения отличаются депопуляцией и деградацией экономического уклада. Однако за счет накопленного исторического и демографического потенциала, более привлекательного ландшафта они становятся местами концентрации для окружающей сельской местности. У таких населенных пунктов чаще сохраняются несельскохозяйственные формы занятости (к примеру, центр приема беженцев и гостиница в Пересыпкино, музей Зои Космодемьянской в Осино-Гае).

4. *Развивающиеся поселения плакорных комплексов* — вблизи крупных городов формируются зоны пригородного сельского хозяйства (садоводство, переработка сельхозпродукции). Это специализация развивающихся плакорных территорий. В отличие от долинных комплексов, плакорные слабо вовлечены в рекреационную деятельность.

5. *Стагнирующие поселения плакорных комплексов* — в поселениях этого типа сохраняется животноводство и разнообразное растениеводство, но депопуляция крайне велика.

6. *Деградирующие поселения плакорных комплексов* — периферийные плакорные поселения, осваивавшиеся в конце XIX — начале XX века, отличаются наиболее засушливыми природными условиями, наименьшей численностью населения, меньшей степенью его закрепленности, наиболее неудачным экономико-географическим положением. В результате происходит сокращение числа функций, остается лишь зерноводство, большая часть населения покидает населенный пункт, социальная инфраструктура ликвидируется практически полностью.

О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Таблица 2. Типологизация сельских поселений

Ландшафтные особенности	Трансформация (изменение числа функций)		
	Развивающиеся (с увеличением числа функций)	Стагнирующие (с сохранением числа функций)	Деградирующие (с сокращением числа функций)
Долинный комплекс	Развивающиеся поселения долинных комплексов	Стагнирующие поселения долинных комплексов	Деградирующие поселения долинных комплексов
Плакорный комплекс	Развивающиеся поселения плакорных комплексов	Стагнирующие поселения плакорных комплексов	Деградирующие поселения плакорных комплексов
Поселения с особыми факторами развития			

Для долинных комплексов наиболее характерно увеличение функций, связанное с их центральным положением в системе расселения. Как наиболее приближенные к центрам территории, или являющиеся такими сами по себе, долинны поселения сконцентрировали в себе функции по переработке сельскохозяйственной продукции, обеспечению города продовольствием и рекреационными функциями. Схожие процессы характерны и в поселениях плакорного типа, расположенных на границе с центрами районов. В таких поселениях сохранилось разнообразие отраслей сельского хозяйства — присутствует животноводство. Более разнообразна и структура растениеводства, которое представлено не только зерноводством, но и овощеводством, садоводством. Пригородные поселения также более вовлечены и в экономическую жизнь центров,

к которым они прилегают, за счет распространения маятниковых миграций, появления дач и переезда некоторых горожан в ближайшие к городам поселки с более благоприятной экологической ситуацией и более дешевой землей для ИЖС.

Сокращение функций в рамках районов характерно для более периферийных плакорных поселений. В первую очередь оно наблюдается в сельском хозяйстве: этим территориям свойственно полное исчезновение товарного животноводства, а растениеводческой специализацией становится зерноводство. Меньше остается в таких поселениях и иных функций — для этих территорий наиболее характерен процесс сокращения числа социальных учреждений, а ввиду удаленности от центра возможности маятниковых миграций ограничены, как и уровень обеспечения этих территорий услугами.

Далее на основе поселений-кейсов описаны основные особенности постсоветских трансформаций для каждого выделенного типа. В таблице 3 представлено разделение поселений-кейсов по типам.

Таблица 3. Сельские поселения по типам постсоветских трансформаций

	Деградация	Стагнация	Развитие
Плакорный комплекс	Луч (Уваровский район), Булгаково (Гавриловский район)	Моисеево-Алабушка (Уваровский район)	Терновое (Мичуринский район), Хмелевое (Мичуринский район), Новое Торбеево (Мичуринский район)
Долинный комплекс	Пересыпкино (Гавриловский район), Осино-Гай (Гавриловский район)	Глазок (Мичуринский район), Нижний Шибряй (Уваровский район)	Старое Торбеево (Мичуринский район), Заворонежское (Мичуринский район)
СП с особыми факторами развития	Новоникольское (нефтепровод), Ивановка (усадебная)		

Долинные пригородные села с увеличением числа функций

Заворонежское

Заворонежское поселение большей частью является пригородом Мичуринска. Его крупнейший населенный пункт — село Заворонежское в советское время было центром Мичуринского района, в нем располагались учреждения власти, образования, здравоохранения и культуры районного значения — администрация района, дом культуры, центральная районная больница и другие.

Также формировалась и особая производственная функция — За- воронежское стало местом размещения строительного управления, осуществлявшего свою деятельность в Мичуринском районе и соседних муниципалитетах. Развитию таких функций при относительно небольшой численности населения способствовало привлечение трудовых ресурсов из Мичуринска, что обусловлено крайне близким по отношению к нему положением. В ходе постсоветских трансформаций учреждения районного уровня были переведены в Мичуринск, что высвободило часть трудовых ресурсов для формирования сельскохозяйственной специализации. Работу предоставили предприятия из других населенных пунктов поселения — Панское, Коминтерн. Но основным вектором трансформации стало увеличение потока маятниковых мигрантов в Мичуринск. На данный момент Заворонежское выполняет во многом исключительно селитебную функцию — основная часть населения работает в Мичуринске, сохранилась и часть функций районного уровня — больница, учреждения дополнительного образования детей. Стоит отметить, что из-за социальных льгот и подъемных для сельских врачей работа в районной больнице оказывается привлекательней, чем в городской, что определяет переток кадров. В Заворонежском развивается сфера услуг и другие «городские» сервисы, а грань между Заворонежским и Мичуринском постепенно стирается.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Старое Тарбеево

Старотарбеевский сельсовет — один из центральных, граничащих с Мичуринском, с населением 700 человек, почти все проживают в Старом Тарбееве. Центр сельсовета находится в долинном комплексе реки Воронеж, на левом берегу у устья реки Алешня, на правом — болотистый лес. Экономико-географическое положение предопределило развитие сельского поселения:

1. Линейный характер расселения на обоих берегах реки Алешни — сельсовет представляет из себя непрерывную застройку протяженностью немного меньше 10 км.
2. Рекреационный характер территории — благодаря крупному и уникальному в рамках района лесному массиву, аттрактивной местности и близости к Мичуринску, сельсовет стал одним из важнейших дачных центров для мичуринцев и местом постоянного проживания. Довольно массово сохранилась дореволюционная жилая архитектура — в одном из таких краснокирпичных домов обитает британская художница, переехавшая сюда, однако активно в жизни села она не участвует.
3. Слабое развитие сельского хозяйства — даже в советский период сельское хозяйство было слабо развито, сегодня сель-

скохозяйственного предприятия здесь нет, скот практически отсутствует даже в хозяйствах населения. Инвесторами из Мичуринска бывшие площади животноводческого хозяйства в совокупности с относительным избытком трудовых ресурсов были перепрофилированы под небольшой мясокомбинат, работающий на привозном мясе.

В целом пригородные долинные комплексы отличаются сильным воздействием города на территорию и хозяйство: связи с городом очень тесные за счет маятниковых миграций и влияния дачников. Постепенно развиваются сфера услуг и инфраструктура, что вкупе с более дешевой землей и социальными выплатами от государства делает эти поселения более удачным местом для жизни и работы, чем сам Мичуринск.

Долинные полупериферийные села с неизменным числом функций

Нижний Шибряй

Развитие села в постсоветский период несильно отличалось от пути, пройденного другими селами и сельскими поселениями: ликвидация колхоза, отток населения, снижение числа рабочих мест, переход земли в руки крупного бизнеса (в случае Шибряя это «Чакинская нефтебаза», которая помимо своей основной деятельности занимается сельским хозяйством). Однако на село сильно повлияла близость к городу (до Уварово здесь всего 5 км). Такая близость замедлила депопуляцию (зачем уезжать, когда можно работать в городе и жить здесь). Сохранение более высокой (по сравнению с остальными селами района) численности населения позволяет сейчас участвовать в различных государственных программах по благоустройству (своих средств на благоустройство недостаточно). Еще одно следствие близости к городу — сохранение социальной сферы: проблемы системы образования в городе (в первую очередь закрытие школ на ремонт) привело к тому, что сейчас в Нижнешибряйской школе учится значительное число городских детей, особенно их много среди живущих на окраине города, а общее число обучающихся в школе уже превысило советский уровень. Сохраняется рекреационная привлекательность территории: два детских лагеря забиты жителями Уварово, есть даже дети из крупных городов. Кроме того, среди горожан пользуется популярностью и сельская дискотека районного дома культуры. Наконец, близость к городу и относительная стабильность привели к тому, что село воспринимается как центр района (город Уварово не входит в состав района, это два разных муниципальных образования), поэтому базовые социальные учреждения (одна из двух районных школ, районный дом культуры) располагаются здесь, им уделяется больше внимания.

В то же время надо понимать, что у г. Уварово недостаточно потенциала, чтобы обеспечивать экономическое развитие села: в самом городе зачастую просто нет работы — приходится уезжать в Москву или Тамбов, а средняя заработная плата невысока. Поэтому село хоть и не деградирует, но и не развивается, находясь на некотором относительно стабильном уровне: переработка сельскохозяй сырья и интенсивное сельское хозяйство не растут, никаких негосударственных услуг, кроме магазинов, в Нижнем Шибряе нет.

Глазок

Глазковский сельсовет — самый периферийный в Мичуринском районе, с населением 2 тыс. человек, в том числе в Глазке — 1,3 тыс. человек. Несмотря на отдаленность, куст сел здесь один из самых древних — основанные на обоих берегах реки Лесной Воронеж поселения упоминаются уже в середине XVII века. До 1959 года существовал Глазковский район, после он был упразднен и включен в состав Мичуринского, в котором стал периферийным.

В советский период функционировал совхоз с разноплановым хозяйством, после распада СССР был упразднен. В постсоветский период образовалось крестьянско-фермерское хозяйство (далее КФХ) (всего 13 работников) с зерноводческой специализацией — единственный значимый работодатель в сельсовете. Сегодня предприятие — важный помощник администрации поселения в благоустройстве. КФХ предоставляет технику для уборки зимой, помогло обустроить новый общественный пляж, парковое пространство в центре Глазка. Благодаря активной работе администрации и кооперации с предприятием благоустройство Глазка не только не уступает другим более экономически успешным поселениям в районе, но превосходит их: в Глазке в процессе создания находится центральный парк, есть благоустроенный пляж, лодочная станция.

Социально-экономическое положение сельсовета одно из наиболее сложных из посещенных в Мичуринском районе. Здесь присутствует только одно крупное сельскохозяйственное предприятие с исключительно зерноводческой специализацией, бюджет поселения на душу населения кратно меньше других в районе, сложная ситуация с инфраструктурой — еще не все села газифицированы, в центре Глазка разрушен мост, другой — ведущий на правый берег Лесного Воронежа — был восстановлен при помощи КФХ: «у нас мост через Лесной Воронеж раньше каждую весну ледоходом сносило, так мы его трактором обратно возвращали». Но отмечаются и положительные тенденции в управлении и транспортном обслуживании, которые не дают отнести Глазок (открытие парка, пляжа, ремонт моста) к следующей группе поселений.

Долинные периферийные поселения с уменьшением числа функций*Пересыпкино*

Основу этого поселения составляют села Пересыпкино 1-е и Пересыпкино 2-е, расположенные очень близко друг к другу и имеющие «общие корни». В советское время пересыпкинский колхоз был одним из ведущих в районе, что во многом связано с авторитетом его руководителя. Успешное развитие колхоза позволило развивать инфраструктуру села. В частности, в нем началось строительство колхозного профилактория, был разбит парк, построена школа. В 1990-х годах колхоз исчез, и в Пересыпкино повторилась классическая постсоветская сельская история: разрушение инфраструктуры, нехватка рабочих мест и отток населения, остановить который было почти невозможно из-за отсутствия каких-либо «точек роста». В настоящее время вышеуказанные процессы продолжают, земли бывшего колхоза разделены между различными собственниками, а крупнейшим работодателем является группа «Черкизово», оперирующая крупным свинокомплексом в Гавриловском районе. Несколько приостановить деградацию сел (особенно на этапе 1990-х) позволило создание Центра временного размещения беженцев и временных переселенцев, одного из трех оставшихся в России. Он был создан на базе так и не введенного в эксплуатацию профилактория: местный бюджет содержать это здание не мог, а миграционным органам нужно было где-то размещать людей из бывших советских республик, поток которых обрушился на страну. Центр смог притормозить деградацию села: во-первых, часть прошедших через него переселенцев осела здесь, во-вторых, большая часть из 37 сотрудников центра — местные жители, к тому же получающие стабильную зарплату (учреждение все-таки федеральное). Однако переселенцев из бывшего СССР почти не осталось, а афганцы и северокорейцы — основные его постояльцы в настоящий момент — стараются поскорее перебраться в крупные города (а северокорейцы — в Южную Корею). В то же время физико-географическое положение поселения (села здесь расположены вдоль живописных берегов р. Вороны) позволяют снизить отток населения: многие из тех, кто покинул село, продолжают использовать свое жилье здесь в качестве дачи и места отдыха, что позволяет говорить о развитии рекреационной функции.

Осино-Гай

Развитие села тесно связано с личностью его самой известной уроженки — Зои Космодемьянской. Сам этот факт уже привле-

кал к селу повышенное внимание начальства, а вместе с ним — необходимые средства, а также кадры и всяческую поддержку. Местные на этом фоне тоже чувствовали некоторую ответственность за развитие села — ведь они живут на родине Зои. В советское время в этом довольно удаленном от райцентра месте появился образцовый колхоз с машинно-тракторным парком, школа с пешеходной улицей возле нее, а в школе открылся музей. Постсоветскую эпоху колхоз смог пережить с небольшими потерями, преобразовавшись в сельскохозяйственное предприятие, а фигура Зои продолжила привлекать туристов в село и музей (который к тому же был отремонтирован на средства Российского военно-исторического общества). Однако туристический потенциал используется слабо: экскурсанты приезжают и сразу уезжают, никакой инфраструктуры для их обслуживания не возникает, дополнительных доходов село от них не получает. Во многом это связано с тем, что большая часть этих туристов — школьники, студенты, курсанты и военнослужащие из Тамбовской и Пензенской областей, приезжающие сюда на бесплатные экскурсии от школ, РВИО и т. д. и не отличающиеся платежеспособностью. Туристы, не относящиеся к «социальным» категориям, да еще и самодельные появляются тут редко. Иных «точек роста» в Осино-Гае нет. Как итог — село продолжает жить на капитале, созданном еще при СССР, постепенно депопулируясь. Углубляется ситуация географическим положением села: оно находится на значительном удалении от райцентра с основной социальной инфраструктурой и де-факто по-прежнему не до конца влилось в район (до воссоздания района в 1979 году Осино-Гай был частью соседнего Пичаевского района).

Можно сделать вывод, что периферийные долинские села, несмотря на удаленность и депопуляцию, сохраняют определенные незерноводческие функции, хотя и не обладают потенциалом для их дальнейшего развития.

Плакорные пригородные села с увеличением числа функций

Хмелевое

Хмелевское сельское поселение в результате постсоветских трансформаций стало характерным примером полупериферийного положения. Местное хозяйство изначально удержало в своем составе оставшиеся советские фонды и собственников земельных паев, по совместительству работников этого предприятия. В его структуре постепенно произошел переход от животноводческих направлений деятельности к растениеводческим. При этом хозяйства населения долго сохраняли облик, характерный для периода до трансформаций — местные жители продолжали быть занятыми

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

в сельском хозяйстве, как на сельхозпредприятии, так и путем ведения товарного подсобного хозяйства, у многих имелись домашние животные. Это обеспечивалось в том числе за счет арендных выплат, осуществляемых в натуральном виде — сеном, зерном, готовыми кормами. Часть из таких хозяйств существует до сих пор, однако их число незначительно. В ходе модернизации предприятия и его концентрации на выращивании зерновых занятость снизилась. Сокращенные работники предпочитали работу в городе и переезд в Мичуринск, из-за чего большая часть паев была продана предприятию. В это же время сформировался поток маятниковых мигрантов из поселения в город, чему способствовало улучшение качества дорожной инфраструктуры, развитие системы транспорта в виде организации регулярного автобусного движения. Несколько бывших работников создали собственные фермерские хозяйства, основой которых становился, как правило, парк сельскохозяйственной техники, а земля бралась в аренду каждый год, при этом основной культурой для них становилась наиболее конъюнктурная на конкретный сезон. Такие хозяйства привлекают часть трудовых ресурсов, в основном на сезонные работы во время посевной и сбора урожая. Большая же часть населения связана в трудовом плане с Мичуринском. Наблюдается и явление возвратных миграций в сельскую местность. Некоторые горожане возвращаются в свои сельские дома, сохраняя занятость в городе, хотя это в большей степени характерно для более близких к городу поселений и в Хмелевом происходит редко. Возвратная миграция в Хмелевском сельском поселении чаще приобретает форму переезда населения, достигающего пенсионного возраста, на свои семейные участки. Распространение получили и дачники, как из Мичуринска, так и из других городов.

Терновое

Терновое похоже на Хмелевое, однако есть и отличие: местное предприятие прошло несколько иной путь реформирования. Связано это с его подчиненностью Министерству путей сообщения, что сохранило предприятие целым, а его земли не распаеванными. В результате данное хозяйство стало одним из первых, вошедших в состав агрохолдингов. Нахождение предприятия долгое время в категории «непрофильных» привело к его деградации и выводу значительной части земель из оборота, а последующая подчиненность агрохолдингам не позволила ему развиваться достаточно для обеспечения работой местного населения. При этом из-за отсутствия свободных земель на территории поселения не сформировалось и фермерских хозяйств. В начале переходного периода эти факторы приводили к более негативной миграционной динамике. Но ситуация стала менее депрессивной из-за развития инфра-

структуры — была реконструирована и асфальтирована прямая дорога до Мичуринска, что сделало Терновое одним из пригородных сельских поселений. Стали формироваться потоки маятниковых мигрантов, население получило возможность получать более высококачественные услуги, не меняя место жительства. Это сделало поселение более стабильным в социальном плане, снизило отток населения, поспособствовало развитию рекреации.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Агрофирма «СадМашСервис» и село Новое Торбеево

Агрофирма «СадМашСервис» находится близ села Новое Торбеево, на левом берегу р. Воронеж, площадью 150 га. Центр занимается реализацией саженцев плодово-ягодных культур и оптовой продажей плодов. Предприятие было создано в 2017 году доктором сельскохозяйственных наук и президентом Ассоциации садоводов России И. В. Муханиным при содействии Министерства сельского хозяйства — государственные органы помогли основателю с решением земельных проблем и привлечением инвестиций взамен на создание при агрофирме школы садоводства с льготными ценами на обучение и создание проектов садов. Как утверждает сам руководитель предприятия, это направление для них не выгодно, зарабатывают они лишь с продажи яблок. При этом экономические показатели благоприятные — прибыль удваивалась последние три года, были привлечены инвестиции для покупки оборудования, сады целиком орошаемы. Выбор места для размещения предприятия связан с близостью к Мичуринску, центру селекции, откуда родом руководители фирмы, агроклиматические, почвенные и водные условия также полностью соответствуют выращиванию плодов.

Основным направлением деятельности фирмы является яблочководство — действует питомник полного цикла, большая часть садов отдана под эту культуру. Культивируется элитный сорт Хани Крисп — как утверждает основатель, яблоко с предприятия продается «по самым высоким оптовым ценам в стране», сбывается продукция в московский Фуд Сити. Из других плодовых культур на предприятии выращиваются груша, вишня, черешня и слива, но их значение гораздо меньше. На другом направлении — ягодоводстве — земляника и малина, меньшее значение имеют голубика, ежевика, смородина, крыжовник.

В сезон на предприятии занято более 100 человек (летом подрабатывают школьники), большая часть из них из окрестных сел, остальные — граждане Узбекистана и жители Мичуринска, откуда их привозит арендованный автобус. Зимой работников меньше, но работы также хватает — она связана с заботой о деревьях, подготовкой саженцев и складом продукции. Помимо обеспечения занятости фирма занимается благоустройством Нового Тар-

бева, расчисткой дорог зимой, проведением сельских праздников, поддерживает тесные отношения с сельсоветом и является основным налогоплательщиком в нем — «половина депутатов сельсовета работают у нас». Предприятие проводит фестивали областного уровня сельскохозяйственной направленности, удостоено многих призов за развитие агротуризма и привлекает большое количество туристов в свой магазин

Плакорные полупериферийные села с сохранением числа функций

Моисеево-Алабушка

Село Моисеево-Алабушка Уваровского района основано в начале XIX века переселенцами из села Моисеево, расположенного в 20 км от нового села на берегу р. Вороны. В советский период Моисеево-Алабушка было одним из крупнейших по численности населения сельского населенного пункта (СНП) района и выполняло функции центральной усадьбы.

В постсоветский период оно сохранило большинство функций: на территории села и сельского совета работают три сельскохозяйственных предприятия с молочной, сахарной и зерновой специализациями, в самом Моисеево-Алабушке расположена центральная сельская школа района и одна из трех районных больниц. За последние 10 лет в селе улучшилась ситуация с водоснабжением, уличным освещением, состоянием автомобильных дорог и памятников благодаря регулярному участию в федеральных и региональных программах.

Отдельного внимания заслуживают школа и больница. На примере этих объектов можно проследить рост влияния Моисеево-Алабушки в системе обслуживания сельских населенных пунктов Уваровского района в постсоветский период.

Школа. Ключевые события в сфере образования произошли в конце 2000-х — начале 2010-х годов. В 2008 году моисеево-алабушская школа стала единственной в районе с образованием юридического лица, остальные 14 преобразованы в филиалы. В положении статуса сыграли два фактора: удачное географическое положение (большинство соседних сел расположено в 25-километровой зоне подвоза автобусами) и роль личности — местный директор и краевед В. И. Сахаров взял на себя ответственность за школы района, а в Нижнем Шибряе, другом крупном селе, от образования юридического лица отказались. В 2013 году всех учеников 10–11-х классов перевели в две крупнейшие школы района, и доля приезжающих из других СНП в Моисеево-Алабушке превысила 50%. В результате количество детей в школе в сравнении с 1990-ми годами не изменилось, в отличие от подавляющего боль-

шинства других школ, однако в 2022 году из 130 учеников только 50 проживают в Моисеево-Алабушке, остальные 80 приезжают на автобусах из других деревень и сел.

Больница. Существенные изменения начали происходить позднее, чем в сфере образования, — в 2012 году в результате реформы государственных стандартов Моисеево-Алабушская больница перешла в подчинение Уваровской центральной районной больницы (ЦРБ) вместо прежнего прямого подчинения главе района. Структурные изменения повысили качество обслуживания, в том числе благодаря увеличению финансирования: на уровне первичной помощи в середине 2010-х годов проведен ремонт в четырех подчиненных фельдшерско-акушерских пунктах (в СНП Ивановка, Репное, Чуево-Алабушка, Ульяновка), на следующем уровне в Моисеево-Алабушке сохранили стационар и отремонтировали здание больницы, а для неотложной и более квалифицированной помощи в Уварово открыли реанимационное отделение и сосудистый центр. Таким образом, Моисеево-Алабушская больница в результате реформы оказалась важным связующим звеном в иерархии между фельдшерско-акушерскими пунктами и Уваровской ЦРБ.

Результатом трансформаций в постсоветский период стало повышение роли Моисеево-Алабушки в системе сельских услуг. Конечно, есть и издержки, например, повышенная утомляемость детей из-за подвоза в школу, повышенная нагрузка на стареющий медперсонал. Однако в рамках действующей модели стратегии оптимизации сети социальной инфраструктуры решение, исходя из баланса бюджета и интересов населения, вероятно, сочтется наиболее оптимальным.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Плакорные периферийные села с уменьшением числа функций

Луч

Лучевский сельсовет — самый периферийный СП Уваровского района. Сам поселок Луч появился лишь в 20-х годах XX века, что объяснимо положением поселения посреди широкого безлесого плакора, с дефицитом воды. Зарождение здесь сельского населенного пункта стало возможно лишь в связи со страшной перенаселенностью сельской местности Черноземья и развитием технологий по добыче воды. В постсоветское время при коллективном хозяйствовании в Луче сформировался крупный совхоз, но в условиях рынка и демографического сжатия Луч оказался неконкурентоспособен сразу по нескольким причинам:

1. Большая удаленность от качественных услуг стимулировала дополнительный отъезд селян.
2. Низкая укорененность населения, приехавшего сюда при советской власти.

3. Не самые удачные природные условия повышают издержки ведения сельского хозяйства, что ведет к укрупнению хозяйств. При снижении трудоемкости сельского хозяйства высвобождается большое количество рабочих рук, что дополнительно стимулирует миграцию.

В результате Луч потерял более 70% населения, а двухэтажные многоквартирные дома, построенные в советское время, были заброшены. Интересно, что социальная инфраструктура (школа, амбулатория, дом культуры) сохранилась, поскольку удаленность села не позволяет перевозить жителей в более крупные близкие к Уварово села.

Второй населенный пункт сельсовета — татарское село Энгуразово — редкий пример этнической неоднородности на Тамбовщине. Причиной сохранения этнической идентичности села могут считаться попытки принудительной ассимиляции (включили в состав свиноводческого колхоза и требовали работать со свиньями, что вызвало лишь отторжение и консолидацию жителей). В советское время между двумя селами возникали конфликты, но из-за старения населения обоих сел и ликвидации колхоза этнический конфликт постепенно сходит на нет. Интересно отметить, что доля уезжающих детей в татарском селе не отличается от значения этого показателя в Луче (почти все уезжают), но уезжающих взрослых меньше, так как село старше и укорененность населения выше. Условия жизни и работы, транспортная доступность в Энгуразово также лучше, чем в Луче. Однако и это не удерживает молодежь от переезда в Москву и Подмосковье.

Булгаково

Булгаковский сельсовет Гавриловского района — еще один пример плакорного периферийного сельсовета. Булгаково появилось в середине XIX века на берегу ручья Средняя Ира. Постепенно вокруг возникали малые населенные пункты, от большинства из которых на данный момент не осталось ничего. В рамках района Булгаково занимает полупериферийное положение — до Гавриловки 2-й идет прямая дорога, расстояние невелико. Но малая численность населения, низкая привлекательность ландшафтов и сокращение числа функций после развала коллективных хозяйств стимулирует отток жителей (в том числе в Гавриловку). Но уже всем приходится завозить трудовые ресурсы из Гавриловки и других сел. Животноводство на территории сельсовета представлено исключительно агрохолдингами (Черкизово). Сотрудников туда возят автобусами из Гавриловки. Перспективы фермерских хозяйств остаются туманными, так как некому передать дело — все уехали. Вероятно, земли фермеров по итогу достанутся агрохолдингам, способным привлечь сторонние трудовые ресурсы.

Можно заключить, что в плакорных периферийных селах число функций стабильно снижается, что ведет к депопуляции, которая, в свою очередь, стимулирует отмирание функций, как производственных, так и обслуживающих.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

СНП с особыми факторами развития

Новоникольское

Новоникольский сельсовет — самый маленький по площади в Мичуринском районе, так как он выделен под обслуживание несельскохозяйственной функции — нефтебазы при нефтепроводе «Дружба». Село было перестроено в 1960-е при прокладке трубопровода, появились новые двухэтажные дома для приехавших специалистов. И на данный момент многие из них остаются жить в селе, так как с городом Новоникольское связано частыми автобусами и железной дорогой. Качество услуг в селе приближено к городским: есть кинозал, сетевые магазины, фирменные магазины мясных и молочных продуктов, кафе. Отличается и качество подготовки кадров: к примеру, в библиотеке работает лучший библиотекарь Тамбовской области. Развитие услуг детерминировано в первую очередь размером зарплат на трубопроводе, так как сама Транснефть в сельскую местность не инвестирует и с администрацией не взаимодействует (все сверхцентрализованно и управляется из Москвы), и более высоким человеческим капиталом жителей.

При этом элементы инфраструктуры (уличное освещение, водопровод, газификация) появились в Новоникольском одновременно с другими населенными пунктами Мичуринского района: в 2000-х годах. В результате Новоникольское в большей степени напоминает территорию города, чем сельскую местность. Отчасти поэтому этот населенный пункт и управляется отдельно.

Ивановка

Село Ивановка входит в состав Березовского сельсовета Уваровского района, но в рамках этого сельсовета мы посетили лишь этот населенный пункт. Ивановка выделяется уникальным объектом — музеем-усадьбой Рахманинова. В 1971 году сельский учитель Александр Иванович Ермаков на основе Ивановской школы основал первый музей Рахманинова. Благодаря харизме и связям Ермакова ему удалось привлечь к восстановлению усадьбы директора Мосметростроя, родственника Рахманинова. Были реконструированы флигель и главный дом, что привело в 1985 году к получению статуса музея-заповедника. Ермаков не просто создал музей, но сформировал площадку, куда с радостью ездят му-

зыканы со всей страны: каждую субботу проводятся концерты классической музыки. Событийный туризм стал популярным, многие посещают усадьбу по несколько раз в год. Особое значение для усадьбы играет близость к трассе «Каспий», по которой едут на юг туристы. Благодаря выбитому Ермаковым ремонту подъездной дороги удалось привлечь новых туристов. На данный момент восстановленная с нуля усадьба является второй по значимости достопримечательностью области (после исторического центра Тамбова), планируется запуск туристического автобуса «Тамбов — Ивановка».

Но что усадьба дала селу? Во-первых, рабочие места — вокруг усадьбы сконцентрированы магазины местных жителей, ее обслуживание также осуществляется в основном жителями Уваровского района. В ближайшее время будет открыта гостиница, которая также создаст рабочие места.

Уникальным примером можно считать придуманный Ермаковым формат сохранения сельской школы: на месте закрытой малокомплектной создается центр обучения музыке для одаренных детей со всей страны: из городов на смены приезжают преподаватели, а обучающиеся дети сменяются каждый месяц. При этом местные дети могут учиться в школе постоянно. Это в перспективе может стимулировать миграцию в Ивановку с целью получения бесплатного качественного музыкального образования, а также сохранение возможности жить и учиться в Ивановке. Наконец, усадьба дает сельской местности уникальность и возможность презентовать себя вовне, быть не просто селом, а селом выдающимся, знаковым.

Использование культурных ресурсов для развития сельской местности — история редкая, но весьма перспективная, так как создает конкурентные преимущества между территориально близкими населенными пунктами, дает возможность сохраниться хоть кому-то, не допустить полного вымирания сельской местности.

Перспективы развития

В рамках Черноземья можно условно выделить четыре типа сельских районов: деградирующие условно растениеводческие, деградирующие условно животноводческие, развивающиеся животноводческие и развивающиеся пригородные. Два первых схожи друг с другом и представляют собой периферию с минимальным количеством возможных точек роста. Третий тип, также периферийный, отличается депопуляцией населения, но экономически эти районы более самостоятельны из-за того, что в них расположены отделения крупных агрохолдингов. Наконец, четвертый тип активно взаимодействует с городом и обладает меньшим набором проблем, чем все вышеперечисленные.

Тем не менее у всех типов есть набор общих проблем, требующих незамедлительного решения. Самая критичная из них — дефицит кадров в образовании и здравоохранении. На данный момент политика государства по привлечению этих кадров в сельскую местность работает с большим напряжением.

Во-первых, разные сельские территории воспринимаются из центра как одинаковые: они получают одинаковый размер льгот, подъемных и так далее. В результате перераспределительная политика превращается в поддержку наиболее сильных среди слабых: пригородные территории получают дополнительный стимул к развитию, а периферия так и продолжает не получать ничего. Решить эту проблему можно достаточно легко, введя коэффициенты в зависимости от транспортной доступности ближайшего города.

Во-вторых, подъемные не стимулируют закрепление специалистов на селе: куда выгоднее отработать определенный срок и уехать на новое место, где снова можно будет получить подъемные. Эта проблема также относительно легко решается введением повышенной оплаты за стаж работы на одном месте.

В-третьих, излишнее желание властей все контролировать обременяет работу сельских специалистов двойной и даже тройной бюрократией, что сказывается на снижении качества предоставляемых населению услуг и удовлетворенности специалистов собственной работой. Подобное положение дел вкупе с низкой зарплатой стимулирует к отъезду из села в «нормальное место». Исправить это можно, лишь резко сократив число отчетов и справок.

Тем не менее даже улучшения форм поддержки не приведут к решению проблемы нехватки специалистов. Для этого необходимо изменение самого образа сельской местности на место комфортного и перспективного проживания тех, кто не любит шум и суету больших городов. Достичь этого можно формированием разнообразия видов деятельности и форм досуга в сельской местности. Но откуда взяться разнообразию там, где мала численность населения, а соответственно, мал и спрос? Ответ на этот вопрос критически важен для развития сельской местности. Авторы предполагают, что есть три источника: государственное стимулирование, внешний спрос на продукцию и туристическая привлекательность.

В первом случае государство искусственно стимулирует экономическую деятельность в сельской местности. Подобная политика необходима, но должна вести к конкретным самозакрепляющимся результатам (не быть вечной, а поддерживать, возвращать идущие на территории процессы на ранней стадии). Таким образом, государственные субсидии могут быть побочным, но не основным источником спроса.

Во втором случае, наиболее распространенном в сельской местности, определенные виды продукции должны отправляться «на экспорт» в другие части страны, где смогут найти своего покупателя. Главная проблема в том, что большая часть продукции

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

сельской местности обладает низкой добавленной стоимостью и недостаточно стимулирует развитие села. Логичным выходом из этого является повышение добавленной стоимости «экспортируемой» продукции за счет брендинга, уникальности и ухода в более дорогие сегменты рынка. При этом «экспорт» может быть как сельскохозяйственным, так и (что куда более важно) несельскохозяйственным, должен вовлекать в свое производство не только землю и механический труд, но и творческие ресурсы населения.

Третий путь кажется наиболее перспективным, так как гарантированно усложняет структуру занятости в сельской местности и создает общественные пространства, места отдыха, которыми в перспективе могут пользоваться не только туристы, но и местные жители. Его недостатком является то, что территория должна уже обладать определенной уникальностью для привлечения туристического потока. Для развития по этому пути необходим элемент-аттрактор, который будет привлекать первоначальный туристический поток. Затем вокруг него необходимо стимулировать образование туристской инфраструктуры и туристических объектов второго порядка, которые смогут перехватывать сгенерированный ранее туристический поток, разнообразить досуг и стимулировать туристов оставаться на более долгий срок, тратить в сельской местности больше денег. Схожие процессы происходят стихийно в наиболее популярных туристских локациях (Вятское, Великое на Золотом кольце, Рускеала под Петербургом, исторические села Подмосковья и так далее), но могут идти и на более периферийных территориях при поддержке государства (к примеру, усадьба Ивановка).

При этом разные типы сельской местности имеют неодинаковые перспективы развития. На уровне районов большие перспективы возникают у пригородных и районов с удачным транспортно-географическим положением, так как им проще стать привлекательными для мигрантов, создать качественные условия для жизни. На локальном уровне старые села в долинах рек имеют преимущества сразу по ряду причин:

1. Зачастую у них лучше транспортно-географическое положение и туда проще переехать из города, сохранив связь с городом.
2. Ландшафт разнообразнее и привлекательнее для рекреации и творчества, что также делает их более конкурентоспособными в сравнении с плакорными селами (отличие Пересыпкино от Булгаково).
3. В старых селах насыщеннее культурный пласт, который можно преобразить в символический капитал и использовать для привлечения туристов.
4. Наконец, долинныя села более многочисленны и обеспечены лучшей социальной инфраструктурой.

На локальном уровне плотное повсеместное освоение Тамбовской области в будущем, вероятно, сменится долинным расселени-

Заключение

В Тамбовской области существуют две дифференцирующие системы сельских населенных пунктов. Причиной первого межпоселенческого «разлома» является заложенная в ходе исторического процесса генетическая дихотомия. Первый тип поселений в рамках данной системы своим возникновением обязан этапу первичного освоения территории — по долинам рек. Более поздние волны освоения связаны с «выходом» на плакорные территории. Наиболее поздние по времени основания населенные пункты возникли в начале советского периода. Таким образом, сложилось два генетических типа поселений — долинные и плакорные.

Вторая система базируется на постсоветской траектории развития поселения. Изначальная картина хозяйства, сложившаяся к концу существования СССР, представляла собой слабо дифференцированный хозяйственный ландшафт — в рамках планового хозяйства каждый колхоз содержал в своем составе как растениеводческие (профильные для данной территории), так и животноводческие (не профильные) подразделения. Постсоветская перестройка экономики шла по двум основным сценариям. Первый предполагает уменьшение дифференциации хозяйственной структуры и концентрацию на зерновом растениеводстве, а второй, напротив, сохранение разнообразной отраслевой структуры сельского хозяйства. Однако данное разнообразие поддерживается не плановыми механизмами, а формированием пригородного хозяйства, его интенсификацией.

В советское время за счет плановой системы развитость сельского хозяйства на разных по экономико-географическому положению и физико-географическим условиям территориях была схожа, выровнена. В постсоветский период произошло возвышение одних и падение других: на первый план в развитии хозяйства вышли транспортные издержки и наличие рабочей силы. В результате в пригородных районах развивается мясное животноводство и переработка мяса, в долинных речных комплексах сохраняется разнообразие в производстве растениеводческой продукции, а на плакорях в наиболее удачных природных условиях единственной специализацией сельского хозяйства становится зерноводство.

Библиография

Аверкиева К. В. (2022). Внутрисельская миграция населения и локальные процессы трансформации сельской местности в лесной зоне староосвоенного Нечер-

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

- ноземья // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 828-841.
- Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. (2016). Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. Социология. Этнология. Т. 25. № 1. С. 103-128.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 66-76.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. С. 55-61.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г., Савоскул М. С., Кузнецова Г. Ю. (2019). Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX — начале XXI в. // Всероссийский экономический журнал ЭКО. № 4 (538). С. 26-49.
- Алексеев А. И., Дельва К. И., Усова М. Д. (2016). Генеалогические деревья и социальные сети как источник информации для социально-географического изучения сельской местности // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 93-95.
- Балашова Н. Н., Коробейников Д. А., Попова С. А. (2020). Интегральная оценка социально-экономического развития сельских территорий с учетом различий в плотности населения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 10. С. 76-83.
- Васильева О. Е., Удовенко В. С. (2018). Социально-географический анализ сельских поселений на основе данных социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. С. 26-33.
- Ворошилов Н. В. (2016). Типология сельских территорий Севера (на примере Северо-Западного федерального округа) // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 12.
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php
- Диденко О. В. (2007). Географические проблемы современной социально-экономической трансформации сельской местности: на примере Воронежской области: дисс... канд. геогр. наук: 25.00.24. Воронеж.
- Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. (2020). Влияние трансформаций в сельском хозяйстве на систему сельского расселения региона // Региональная экономика: теория и практика. Т. 18. № 12. С. 2256-2275.
- Егоров Д. О., Шурупина В. С. (2018). Сельское расселение России: типология территорий по плотности сельских населенных пунктов // Региональные исследования. № 4. С. 4-16.
- Заславская Т. И., Мучник И. Б., Мучник М. Б. (1980). Социально-демографическое развитие села. М.: Статистика.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 26-38.
- Имангулов Л. Р. (2021). Типология населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Чувашии) // Крестьяноведение. Т. 6. № 4. С. 107-124.
- Имангулов Л. Р., Савоскул М. С. (2021). Этнические процессы и трансформация сельского расселения в сельской местности Башкирии (на примере Федоровского района) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 3. С. 55-66.
- Инякина Е. Е. (2008). Трансформация отраслевой и территориальной структур АПК Тамбовской области в условиях рыночной экономики: дисс... канд. геогр. наук: 25.00.24. Воронеж.
- Ковалев С. А. (1963). Сельское расселение. М.: Изд-во Московского университета.

- Ковалев С. А., Ковальская Н. Я. (1980). География населения СССР. М.: Изд-во Московского университета.
- Колодина Е. А. (2019). Идентификация и типология сельских территорий в исследовании их социально-экономического развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 3 (59). С. 8.
- Максимов В. А. (1985). Экономико-географическое изучение сельской местности. Уфа: БГУ.
- Наумов А. С., Рубанов И. Н., Аблязина Н. Х. (2021). Новые подходы к типологии сельских территорий России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 12-24.
- Нефедова Т. Г. (2012). Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 5-21.
- Нефедова Т. Г. (2003). Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство. С. 190-190.
- Нефедова Т. Г., Медведев А. А. (2020). Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 645-659.
- Нефедова Т. Г. (2015). Рекреация горожан как фактор сохранения и реконструкции сельского расселения Нечерноземья // Наука. Инновации. Технологии. № 2. С. 120-139.
- Панков С. В. (2011). География сельских поселений Центрального Черноземья (эволюция, морфология, структура селитебных территорий): дисс... докт. геогр. наук: 25.00.24. Воронеж.
- Панов М. М. (2015). Внутрирегиональная типология сельских территорий (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. № 2 (76). С. 159-173.
- Пономарева Г. А., Бубякин В. И. (2020). Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям людности // Региональные исследования. № 2(40). С. 37-43.
- Русанов А. В. (2019). «Дачные города» Северного Подмоскovie: роль сезонного населения в трансформации сельской местности // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2 (15). С. 73-85.
- Сельское хозяйство Тамбовской области (2006): стат. сб. Тамбов: Тамбовстат.
- Тамбовская область / База данных показателей муниципальных образований / Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (дата обращения: 01.11.2022).
- Ткаченко А. А., Фомкина А. А., Шаврин В. Н. (2013). Районные системы расселения Центральной России // Вопросы географии. № 135. С. 270-288.
- Худякова Т. М., Инякина Е. Е. (2013). О трансформации отраслевой и территориальной структур агропромышленного комплекса Тамбовской области в условиях рыночной экономики // Вестник российских университетов. Математика. Т. 14. № 3. С. 609-614.
- Чекменева Л. Ю. (2008). Геодемографическая типология (на примере Пермского края) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. № 1. С. 31-36.
- Чучкалов А. С., Мищук С. Н., Греля Н. К. (2021). Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) // Крестьяноведение. Т. 6. № 4. С. 136-163.
- Ballas D., Kalogerisis T., Labrianidis L. (2003). A comparative study of typologies for rural areas in Europe.
- Bański J., Mazur M. (2016). Classification of rural areas in Poland as an instrument of territorial policy // Land Use Policy. Vol. 54. P. 1-17.
- Bengs C., Schmidt-Thomé K. (2006). Urban-rural relations in Europe, ESPON 1.1. 2, Final report // Helsinki: Centre for Urban and Regional Studies. Helsinki University of Technology.

О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

- Beyazli D. et al.* (2017). Rural typology with an inductive approach // *International Journal of Environmental Research*. Vol. 11. № 2. P. 225-241.
- Blunden J. R., Pryce W. T. R., Dreyer P.* (1998). The classification of rural areas in the European context: An exploration of a typology using neural network applications // *Regional Studies*. Vol. 32. № 2. P. 149-160.
- Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S.* (2011). A typology of rural areas in Serbia // *Ekonomski anali*. Vol. 53. № 177. P. 7-29.
- Brezzi M., Dijkstra L., Ruiz V.* (2011). OECD extended regional typology: the economic performance of remote rural regions.
- Fertner C.* (2012). Downscaling European urban-rural typologies // *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*. Vol. 112. № 1. P. 77-83.
- Hazeu G.W. et al.* (2011). European environmental stratifications and typologies: An overview // *Agriculture, ecosystems & environment*. Vol. 142. № 1-2. P. 29-39.
- Hedlund M.* (2010). Mapping the socioeconomic landscape of rural Sweden: Towards a typology of rural areas // *Regional Studies*. Vol. 50. № 3. P. 460-474.
- Kay C.* (2010). Development strategies and rural development: exploring synergies, eradicating poverty // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 36. № 1. P. 103-137.
- Li Y., Long H., Liu Y.* (2015). Spatio-temporal pattern of China's rural development: A rurality index perspective // *Journal of Rural Studies*. Vol. 38. P. 12-26.
- Liu J. et al.* (2020). Rural typology dynamics and drivers in peripheral areas: A case of Northeast China // *Land Use Policy*. Vol. 120. P. 106-260.
- Lukić A.* (2012). Outside the City—Typology of rural and urban settlements of Croatia. *Sambor*. P. 1-256.
- Madsen M.F. et al.* (2010). Urbanisation of rural areas: A case study from Jutland, Denmark // *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*. Vol. 110. № 1. P. 47-63.
- Martinović M., Ratkaj I.* (2016). Sustainable rural development in Serbia: Towards a quantitative typology of rural areas // *Carpathian journal of earth and environmental sciences*. Vol. 10. № 3. P. 37-48.
- Metzger M.J. et al.* (2010). A climatic stratification of the environment of Europe // *Global ecology and biogeography*. Vol. 14. № 6. P. 549-563.
- Perlin R., Kucerova S., Kucera Z.* (2010). A Typology of Rural Space in Czechia according to its Potential for Development // *Geografie*. Vol. 115. № 2. P. 161-187.
- Scholz J., Herrmann S.* (2010). Rural regions in Europe. A new typology showing the diversity of European rural regions. Discussion paper, № 4.
- Stanny M., Komorowski L., Rosner A.* (2021). The socio-economic heterogeneity of rural areas: Towards a rural typology of Poland // *Energies*. Vol. 14. № 16. P. 5030.
- Van Eupen M. et al.* (2012). A rural typology for strategic European policies // *Land Use Policy*. Vol. 29. № 3. P. 473-482.
- Van Leeuwen E.* (2015). Urban-rural synergies: An explorative study at the NUTS3 Level // *Applied Spatial Analysis and Policy*. Vol. 8. № 3. P. 273-289.

A multi-scale typology of rural areas under the post-Soviet transformations (on the example of the Tambov Region)

Oleg E. Prusikhin, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: olegprus2000@mail.ru.

Oleg D. Krutov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: bigolegg11@yandex.ru.

Maxim I. Vorobiev, PhD Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: maximvorobiev15@gmail.com.

Kirill S. Loktionov, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: leegloko@yandex.ru.

Alexander A. Vepritsky, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: evgeni777.78@mail.ru.

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: alival@mail.ru.

Abstract. Russian countryside is heterogeneous, and in the post-Soviet period, this heterogeneity has increased. Moreover, the image of the countryside in the perception of the authorities and society is far from reality, which leads to the mistakes in the assessment of its condition and prospects. Russian scholars usually study the northern countryside and ethnic republics, while the studies of the Russian steppe regions are less common. The authors consider the factors of the rural territorial differentiation under the post-Soviet transformations in one of the most homogeneous steppe regions — Tambov — at the level of municipal districts and rural settlements. The suggested typology of districts is based on the statistical indicators which reflect changes in the intensity of territorial development in the last thirty years; and the typology of settlements is based on 53 interviews and observations during the expedition to the Michurinsky, Gavrilovsky and Uvarovsky districts in the summer of 2022. The authors conclude that the natural factor still determines the intensity of transformations both directly (higher intensification of crop production in the south) and indirectly (through the settlement and transportation system). The influence of the economic-geographical position (proximity to cities) and of the institutional factor (large investors are interested in unallocated land) is also significant.

Key words: post-soviet transformations, rural areas, Tambov Region, changing functions, typology, rural settlements.

*О. Е. Прусихин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

References

- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2015) *Izmenenie selskogo rasselenija v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka* [Changes in rural settlement in Russia in the late 20th — early 21st century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 2, pp. 66–76.
- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2017) *Tipologija selskih naselennyh punktov evropejskoj chasti Rossii v sovremennoj demograficheskoj i sotsialno-ekonomicheskoj situatsii* [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the current demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 6, pp. 55–61.
- Alekseev A. I., Safronov S. G., Savoskul M. S., Kuznetsova G. Ju. (2019) *Osnovnye tendentsii evoljutsii selskogo rasselenija Rossii v XX — nachale XXI vv.* [Main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the 20th — early 21st century]. *ECO*, no 4, pp. 26–49.
- Alekseev A. I., Delva K. I., Usova M. D. (2016) *Genealogicheskie derevija i sotsialnye seti kak istochnik informatsii dlja sotsialno-geograficheskogo izuchenija selskoj mestnosti*

- [Genealogical trees and social networks as a source of information for the socio-geographical study of rural areas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 5, pp. 93–95.
- Averkjeva K. B. (2022) Vnutriselskaja migratsija naselenija i lokalnye protsessy transformatsii selskoj mestnosti v lesnoj zone staroosvoennogo Nechernozemija [Intra-village migration and local processes of transformation of rural areas in the forest zone of the old developed Non-Black-Earth Region]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 6, pp. 828–841.
- Averkjeva K. V., Nefedova T. G. (2016) Dachnaja “kolonizatsija” rossijskoj glubinki. Primer Kostromskoj oblasti [Dacha “colonization” of the Russian hinterland. A case of the Kostroma Region]. *Mir Rossii. Sotsiologija. Etnologija*, vol. 25, no 1, pp. 103–128.
- Balashova N. N., Korobejnikov D. A., Popova S. A. (2020) Integralnaja otsenka sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya selskih territorij s uchetom razlichij v plotnosti naselenija [Integral assessment of the social-economic development of rural areas including differences in population density]. *Ekonomika selskolkhozjajstvennyh i pererabatyvajushchih predpriyatij*, no 10, pp. 76–83.
- Ballas D., Kalogeris T., Labrianidis L. (2003) *A comparative study of typologies for rural areas in Europe*. Сайт, где размещен текст
- Bański J., Mazur M. (2016) Classification of rural areas in Poland as an instrument of territorial policy. *Land Use Policy*, vol. 54, pp. 1–17.
- Bengs C., Schmidt-Thomé K. (2006) *Urban-Rural Relations in Europe, ESPON 1.1.2, Final Report*. Helsinki: Centre for Urban and Regional Studies, Helsinki University of Technology.
- Beyazli D. et al. (2017) Rural typology and inductive approach. *International Journal of Environmental Research*, vol. 11, no 2, pp. 225–241.
- Blunden J. R., Pryce W. T. R., Dreyer P. (1998) The classification of rural areas in the European context: An exploration of a typology using neural network applications. *Regional Studies*, vol. 32, no 2, pp. 149–160.
- Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S. (2011) A typology of rural areas in Serbia. *Ekonomski Analiz*, vol. 53, no 177, pp. 7–29.
- Brezzi M., Dijkstra L., Ruiz V. (2011) *OECD extended regional typology: The economic performance of remote rural regions*. Сайт, где размещен текст
- Chekmeneva L. Ju. (2008) Geodemograficheskaja tipologija (na primere Permskogo kraja) [Geodemographic typology (on the example of the Perm Region)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geografija. Geoekologija*, no 1, pp. 31–36.
- Chuchkalov A. S., Mishhuk S. N., Grejla N. K. (2021) Faktory transformatsii prigorodnoj selskoj mestnosti depressivnogo regiona (na primere Birobidzhanskogo rajona Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Factors of transformation of the suburban rural areas in the depressed region (on the example of the Birobidzhan district of the Jewish Autonomous Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 136–163.
- Didenko O. V. (2007) *Geograficheskie problemy sovremennoj sotsialno-ekonomicheskoy transformatsii selskoj mestnosti: na primere Voronezhskoj oblasti* [Geographical issues of the contemporary social-economic transformation of rural areas: On the example of the Voronezh Region]: diss. k.g.n., Voronezh.
- Djachenko V. N., Lazareva V. V. (2020) Vlijanie transformatsij v selskom khozjajstve na sistemu selskogo rasselenija regiona [The impact of transformations in agriculture on the regional rural-settlement system]. *Regionalnaja ekonomika: teorija i praktika*, vol. 18, no 12, pp. 2256–2275.
- Egorov D. O., Shurupina V. S. (2018) Selskoe rasselenie Rossii: tipologija territorij po ljudnosti selskih naselennyh punktov [Rural settlement in Russia: Typology of territories according to the population of rural settlements]. *Regionalnye issledovanija*, no 4, pp. 4–16.

- Fertner C. (2012) Downscaling European urban-rural typologies. *Geografisk Tidsskrift — Danish Journal of Geography*, vol. 112, no 1, pp. 77–83.
- Hazeu G. W. et al. (2011) European environmental stratifications and typologies: An overview. *Agriculture, Ecosystems & Environment*, vol. 142, no 1–2, pp. 29–39.
- Hedlund M. (2010) Mapping the socioeconomic landscape of rural Sweden: Towards a typology of rural areas. *Regional Studies*, vol. 50, no 3, pp. 460–474.
- Khudjakova T. M., Injakina E. E. (2013) O transformatsii otraslevoj i territorialnoj struktur agropromyshlennogo kompleksa Tambovskoj oblasti v uslovijah rynochnoj ekonomiki [On the transformation of the sectoral and territorial structures of the agro-industrial complex of the Tambov Region in the market economy]. *Vestnik Rossijskikh universitetov. Matematika*, vol. 14, no 3, pp. 609–614.
- Imangulov L. R. (2021) Tipologija naselennykh punktov v polijetnichnom regione (na primere Chuvashii) [Typology of settlements in a multi-ethnic region (on the example of Chuvashia)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 107–124.
- Imangulov L. R., Savoskul M. S. (2021) Etnicheskie protsessy i transformatsija selskogo rasselenija v selskoj mestnosti Bashkirii (na primere Fedorovskogo rajona) [Ethnic processes and transformations of rural settlement in rural areas of Bashkiria (on the example of the Fedorovsky district)]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 7, no 3, pp. 55–66.
- Injakina E. E. (2008) *Transformatsija otraslevoj i territorialnoj struktur APK Tambovskoj oblasti v uslovijah rynochnoj ekonomiki*: [Transformation of the sectoral and territorial structures of the agro-industrial complex of the Tambov Region in the market economy]: Diss. k.g.n., Voronezh.
- Kay C. (2010) Development strategies and rural development: Exploring synergies, eradicating poverty. *Journal of Peasant Studies*, vol. 36, no 1, pp. 103–137.
- Kovalev S. A. (1963) *Selskoe rasselenie* [Rural Settlement], Moscow: Moscow University.
- Kovalev S. A., Kovalskaja N. Ya. (1980) *Geografija naselenija SSSR* [Geography of the Population in the USSR.], Moscow: Moscow University.
- Kolodina E. A. (2019) Identifikatsija i tipologija selskih territorij v issledovanii ih sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Identification and typology of rural areas in the study of their social-economic development]. *Regionalnaja ekonomika i upravlenie*, no 3, p. 8.
- Li Y., Long H., Liu Y. (2015) Spatio-temporal pattern of China's rural development: A rurality index perspective. *Journal of Rural Studies*, vol. 38, pp. 12–26.
- Liu J. et al. (2020) Rural typology dynamics and drivers in peripheral areas: A case of Northeast China. *Land Use Policy*, vol. 120, pp. 206–260.
- Lukić A. M. (2012) *Outside the City—Typology of Rural and Urban Settlements of Croatia*, Sabor.
- Madsen M. F. et al. (2010) Urbanization of rural areas: A case study from Jutland, Denmark. *Geografisk Tidsskrift — Danish Journal of Geography*, vol. 110, no 1, pp. 47–63.
- Maksimov V. A. (1985) *Ekonomiko-geograficheskoe izuchenie selskoj mestnosti* [Economic-Geographical Study of Rural Areas], Ufa: BGU.
- Martinović M., Ratkaj I. (2016) Sustainable rural development in Serbia: Towards a quantitative typology of rural areas. *Carpathian Journal of Earth and Environmental Sciences*, vol. 10, no 3, pp. 37–48.
- Metzger M. J. et al. (2010) A climatic stratification of the environment of Europe. *Global Ecology and Biogeography*, vol. 14, no 6, pp. 549–563.
- Naumov A. S., Rubanov I. N., Abljazina N. Kh. (2021) Novye podkhody k tipologii selskih territorij Rossii [New approaches to the typology of Russian rural areas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 4, pp. 12–24.
- Nefedova T. G. (2012) Osnovnye tendentsii izmenenija sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva selskoj Rossii [Main trends of changes in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 3, pp. 5–21.

О. Е. Прусихин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Венрицкий,
А. И. Алексеев
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

- Nefedova T. G. (2003) *Selskaja Rossija na pereputie* [Rural Russia at the Crossroads], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Nefedova T. G., Medvedev A. A. (2020) Szhatie osvoennogo prostranstva v Tsentralnoj Rossii: dinamika naselenija i ispolzovanie zemel v selskoj mestnosti [Shrinkage of the developed space in Central Russia: Demographic dynamics and land use in rural areas]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 5, pp. 645–659.
- Nefedova T. G. (2015) Rekreatsija gorozhan kak faktor sokhraneniya i rekonstruktsii selskogo rasselenija Nechernozemija [Recreation of citizens as a factor of the preservation and reconstruction of the rural settlement in the Non-Black-Earth Region]. *Nauka. Innovatsii. Tehnologii*, no 2, pp. 120–139.
- Pankov S. V. (2011) *Geografija selskih poselenij Tsentralnogo Chernozemija (evoljutsija, morfologija, struktura selitebnyh territorij)* [Geography of rural settlements of the Central Black-Earth Region (evolution, morphology, structure of residential areas)]: Diss. d.g.n., Voronezh.
- Panov M. M. (2015) Vnutreregionalnaja tipologija selskih territorij (na primere Vologodskoj oblasti) [Intra-regional typology of rural areas (on the example of the Vologda Region)]. *Problemy razvitiya territorii*, no 2, pp. 159–173.
- Perlin R., Kucerova S., Kucera Z. (2010) A typology of rural space in Czechia according to its potential for development. *Geografie*, vol. 115, no 2, pp. 161–187.
- Ponomareva G. A., Bubjakin V. I. (2020) Tipologija selskih poselenij Respubliki Sakha (Yakutia) po pokazateljam ljudnosti [Typology of rural settlements in the Republic of Sakha (Yakutia) in terms of population]. *Regionalnye issledovanija*, no 40, pp. 37–43.
- Rusanov A. V. (2019) “Dachnye goroda” Severnogo Podmoskovija: rol sezonnogo naselenija v transformatsii selskoj mestnosti [“Dacha towns” in the Northern Moscow Region: The role of seasonal population in the transformation of rural areas]. *Gorodskie issledovanija i praktiki*, vol. 4, no 2, pp. 73–85.
- Selskoe khozjajstvo Tambovskoj oblasti (2006)* [Agriculture of the Tambov Region], Tambov: Tambovstat.
- Scholz J., Herrmann S. (2010) *Rural Regions in Europe. A New Typology Showing the Diversity of European Rural Regions*. Discussion Paper no 4. Acta agriculturae Slovenica (psu.edu)
- Stanny M., Komorowski Ł., Rosner A. (2021) The socio-economic heterogeneity of rural areas: Towards a rural typology of Poland. *Energies*, vol. 14, no 16, pp. 5030.
- Tambovskaja oblast / Baza dannyh pokazatelej munitsipalnyh obrazovanij [Tambov Region / Database of municipal indicators]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi>.
- Tkachenko A. A., Fomkina A. A., Shavrin V. N. (2013) Rajonnye sistemy rasselenija Tsentralnoj Rossii [District settlement systems of Central Russia]. *Voprosy geografii*, no 135, pp. 270–288.
- Van Eupen M. et al. (2012) A rural typology for strategic European policies. *Land Use Policy*, vol. 29, no 3, pp. 473–482.
- Van Leeuwen E. (2015) Urban-rural synergies: An explorative study at the NUTS3 Level. *Applied Spatial Analysis and Policy*, vol. 8, no 3, pp. 273–289.
- Vasilieva O. E., Udovenko V. S. (2018) Sotsialno-geografichesy analiz selskih poselenij na osnove dannyh sotsialnoj seti “VKontakte” [Social-geographical analysis of rural settlements based on the data from the social network VKontakte]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 6, pp. 26–33.
- Voroshilov N. V. (2016) Tipologija selskih territorij Severa (na primere Severo-Zapadnogo federalnogo okruga) [Typology of rural territories of the North (on the example of the North-Western Federal District)]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka*, no 2, pp. 12.
- Vsesojuznaja perepis naselenija 1989 goda. Chislennost naselenija sojuznyh respublik SSSR i ih territorialnyh edinits [All-Union Census of 1989. Population of the Soviet Republics and Their Territorial Units]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php.

- Zaslavskaja T. I., Muchnik I. B., Muchnik M. B. (1980) *Sotsialno-demograficheskoe razvitie sela* [Social-Demographic Development of the Village], Moscow: Statistika.
- Zubarevich N. V. (2013) Transformatsija selskogo rasselenija i seti uslug v selskoj mestnosti [Transformation of rural settlement and service network in rural areas]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 3, pp. 26–38.

*О. Е. Прусихин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)